

Анастасия Шалункова

АЛИСЕ ПОРА УМЕРЕТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Шалункова

Алисе пора умереть

<https://litres.ru/73154278>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алиса дочь маньяка, похитившего ее мать. Равиль сын главы секты, который обрек паству на смерть в огне. Алиса не видит смысла жить дальше. Равиль давно стал частью приграничья края, где за темными деревьями прячутся чудовища.

Встретившись во время поисков пропавшей девушки, герои вынуждены бросить вызов не только монстрам, охотящимся на детей, но и собственному прошлому.

Вас ждут:

Лесная хтонь

Монстры, которые охотятся на детей

Мифологические мотивы в руреале

Любовь, которая сильнее любых чудовищ

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Глава 1	8
Глава 2	28
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Анастасия Шалункова

Алисе пора умереть

«Кто не боится помирать, тот и не сможет помереть.»

— Гражданская Оборона

Пролог

Девушка идет в лес.

Голые ветки деревьев хватают ее за рукава тонкой рубашки, а холодный осенний ветер пробирает до самого нутра. Босые ноги сами несут вперед, под ступнями хлюпает грязь и хрустят ветки.

Беглянку ждет Хозяин.

Он там, в самой чаще, в скрытой от людей тьме. Зовет и ждет.

От ударов до сих пор болит спина. Мерзавка, дрянь, сдохнешь под забором. Ты никто и ничто, у тебя нет и не может быть ничего своего.

Голова кружится – очень хочется спать. Там в лесу можно будет, наконец, заснуть.

В лесу ждет Хозяин – он позвал, и она пришла.

Невидимая граница темнеет впереди — шаг туда, и все закончится; назад пути не будет. Сейчас еще можно вернуться, побежать обратно через липкий осенний сумрак, дойти до станции, дождаться электрички в Москву — если они вообще ходят в такой поздний час и в такой отдаленный район. Отсутствия даже не заметят — ведь Вера должна быть еще на подготовительных курсах.

Имя кажется незнакомым. Не своим.

Вера уже давно слышала этот зов. Он шептал обещания

в ночи, напоминал о себе в утренней толкучке на станции метро. Старшеклассница отгоняла его от себя, затыкала наушниками, отвлекалась бесконечными короткими видео, размывающими внимание и притупляющими ощущения.

Но сегодня зов, наконец, прозвучал как приказ. И Вера, задрав голову, к серому небу, осознала – что там, в лесной тьме, спасение. Больше не будет ни криков, ни боли – ни желания родителей сохранить лицо любой ценой.

Сумку девушка бросила в растущий от свежего снега су-гроб у станции МЦД-Стрешнево. Долго потом ждала дальнюю электричку, что соизволила бы остановиться на маленькой открытой платформе вдали от грохота шоссе и света мегаполиса.

На станции Ярово – Вера выскочила, едва не поскользнувшись на платформе. В кармане надрывался смартфон. Старшеклассница достала его – и долго всматривалась в экран. Мама. Наверное, ей уже сказали, что на курсы дочь не пришла. Девайс вцепился в руку паразитом.

Нажать. Ответить. Убежать. Мы все 9– в цифровом концлагере, и нет нам спасения.

Подул ветер со стороны леса, и в нем послышались голоса.

Пальцы разжались, и смартфон упал в снег мертвой крысой.

Свободна. Свободна. Свободна.

Руки-тени подманивают девушку.. Не будет больше кри-

ков. Не будет больше тесноты квартиры-студии, в которой ютятся Вера с родителями и в которую время от времени приезжают родственники. Не будет ударов по спине и рукам. Не будет страха, что, вернувшись домой, не обнаружишь собственных вещей – ведь те отправились в мусоропровод. У Веры нет ничего своего. Ей шестнадцать, она ни на что в своей жизни не заработала. Она никто — лишь продолжение своих родителей, плоть от плоти, кровь от крови.

А раз она никто – значит, и смерть лишь формальность. Вера делает шаг.

И темнота забирает ее.

Часть 1. Глава 1

Алиса

Стою и рассматриваю оранжевую листовку. Пропал человек, ушел из дома, не вернулся. Никита Волков, двадцать пять лет. Отправился гулять в Истринский парк и больше его никто не видел.

Истра отсюда далековата, почти час езды на электричке, зато по прямой. Часто мне попадаются листовки с людьми, живущими в бесконечных деревнях, поселках и городках Подмосковья. Может, и правда, решили — чем черт не шутит — что надо потеряться в Москве, надеясь, что бесконечный в своем росте и неумолкаемый в своей величии мегаполис даст исчезнуть, раствориться в улицах и районах новостроек.

Вижу другую листовку. Токарева Ася. Пятнадцать лет. Родилась в пятом году. Математика не сходится, но потом понимаю: девочка пропала несколько лет назад. Однако листовка совсем свежая. Ни жива ни мертва — то самое пограничное состояние, которого в народе так опасались до эпохи научного материализма. А, впрочем, разве научное мышление отменяет магическое?

Засовываю руки в карманы куртки. Меня знобит — температура почти нулевая, скоро зима, а пока приходится терпеть промозглую темную осень, такую же сырую, как и безнадёжную.

Мне тридцать два — я старше последней потеряшки на полтора десятка лет. Смотрю на свои ладони: я снова забыла купить перчатки, кожа высохла и потрескалась, а вместе с обгрызанными ногтями это зрелище выглядит крайне неприятно.

Вижу еще листовку. Еще, еще, и еще. Дети, взрослые, старики. Подростки-неформалы, школьники, чей возраст определяется одной цифрой. Кто-то растворился в отдаленных районах области, где населенный пункт не более, чем островок посреди первобытного леса. Кто-то умудрился пропасть рядом со станцией метро в месте, где под камерой каждый квадратный метр.

Ну а про кого-то известно лишь то, что однажды он перешагнул невидимую границу между столицей и остальной страной — столь же эфемерную, сколь и ощутимую. И пропал, в последний раз попавшись камере наблюдения на Площади трех вокзалов.

Истра, Волоколамск, Дедовск, Красногорск, район Сокол, метро «Щукинская». Пропал, пропала, вышел из дома — не вернулся. Месяц назад, год назад. Два, три и даже десять. Пропали, исчезли, растворились и больше никогда не вернулись. Ищут стариков, детей, подростков. Кого-то находят,

кого-то — нет. Кто-то выживает, кто-то — умирает.

А если пропаду я — станут ли меня искать? Отправит ли мама Женя запрос поисковику о том, что Заирова Алиса Михайловна, девяносто третьего года рождения, пропала? Будет ли кому сказать, где меня видели в последний раз? Напечатают ли оранжевые листовки, будут ли соболезновать в комментариях?

Я бы не стала себя искать. И соболезновать тоже.

Михайловна... Нет, по паспорту я Евгеньевна. При отсутствии внятного юридического отца ЗАГС позволяет выбрать случайное отчество. Вот Евгения Петровна и вписала в свидетельство о рождении буквально «матчество» — в честь себя. Впрочем, растила она меня одна, так что имела полное право.

На макушку падает мокрая снежинка. Задираю голову — зима сейчас в том лиминальном состоянии, когда кажется, что грань миров и правда истончается. Из грязно-серого неба идет то ли снег, то ли дождь, темнеет предательски рано, а в тумане едва видно дорогу впереди.

А я хочу домой.

Я ужасно хочу спать — второй день подряд Светлов будит меня в пять утра, заставляя ехать в аэропорт. Вчера это было Домодедово, и только спустя три часа в зоне ожидания и десяток звонков начальнику я наконец получила сообщение, что он, мол, перепутал день: его чрезвычайно важные партнеры из дружественного Египта прилетают только зав-

тра. Завтра — то есть сегодня — они, кстати, тоже не прилетели. После тех же трех часов ожидания я выяснила, что в страну египтян попросту не пустили, развернув на пограничном контроле.

Так вышло, что я работаю на Светлова уже четыре года — мой гордый статус звучит как «бизнес-ассистент на самозанятости». На деле я та же секретарша на побегушках, только без возможности взять отгул, отпуск или больничный. Иногда Николай «делает» сеть коворкингов, иногда собирается открывать ресторанный бизнес. Но большую часть времени его проекты — не более чем галимое инфоцыганство.

Как там в той песне группы К.В.Д., собранной клавишником рок-группы «Арктида»? «Мы альфасамцовость до небес прокачаем...»? Вот, собственно, этим Светлов и занимался, доказывая раз за разом, что продавцы счастья в воде не тонут.

Весь день я гоняла по Москве, то забирая документы, то отправляя — и все в разных частях города. Ноги гудели, вместе с ними и голова. При этом я понимала: даже если сейчас доберусь до своей квартирki, занавешу окна и залезу под одеяло — все равно не усну. Мое тело, кажется, решило, что вокруг — ядерный апокалипсис, нашествие Батыя и вторжение инопланетян одновременно.

На всякий случай проверяю телефон — последнее сообщение начальнику о том, что я забрала пачку документов на Нагатинской, но не смогла вручить в точке назначения на

Дубровке, — все еще не прочитано. На Дубровке меня долго мурыжили, утверждая, что никакого Светлова не знают. Начальник трубку не брал, так что документы в итоге я забрала с собой, не решившись оставить их какому-то рандомному сотруднику.

Дует ветер — погода стремительно портится, а недавний дождь превращается в тонкую корку льда под моими ногами. Мимо проносятся автобусы, автомобили и электровелосипеды. Я жутко мерзну — то ли из-за усталости, то ли из-за промозглого ветра.

Дома меня никто не ждет — я всегда одна, это мое нормальное состояние. С утра я ничего не ела, так что сделаю яичницу на маленькой электроплитке. Давным-давно стоило бы установить нормальную, но я уже много лет пользуюсь портативной — то и дело обжигаясь о конфорку.

Внезапно смартфон разрывается рингтоном (никогда не ставьте любимые песни на звонок и будильник). Даже «Лесника» возненавидишь, если со строк «Замученный дорогой я выбился из сил...» будут начинаться все ваши проблемы.

У меня падает сердце — знаю, что ничего хорошего не услышу. Оттягиваю неизбежное, пока в наушниках поет Горшок. Наконец принимаю вызов.

— Але?

— Алиса, я могу поинтересоваться, почему ты не отвезла документы?!

— Там в офисе никто не знал про вас, а вы трубку не бра-

ли, — сама ненавижу себя за то, как звучу. Будто напортачившая школьница. К тому же Светлов мне вечно тыкает, но требует обращения к себе на Вы с большой буквы.

— И ты решила просто свалить?! Ты мне все бизнес-процессы просрала! Быстро вези документы!

— Так там уже закрыто, время семь вечера. Я могу завтра, с утра.

— Тащи их мне! — рявкает Светлов. — Сейчас!

Еще десять минут крайне занятый предприниматель тратит на то, чтобы рассказать, какая я конченная дура, что ничего не знаю и не умею, что терпит он меня исключительно из добросердечности, надеясь вырастить из меня человека. Каждое слово бьет точно в цель.

Я все и без него это знаю.

Странно: я никогда не рассказывала Светлову о своем прошлом. Точнее, не так — о своем происхождении. О прошлом самом по себе рассказывать и нечего. Но почему-то начальник точно знает, куда бить и что говорить. Может, я сама неосознанно даю понять, где мои слабые места?

В мессенджере приходит адрес — боюсь, что Николай выбрал точку подальше назло, чтобы я потратила еще пару часов на дорогу, но с удивлением обнаруживаю, что это лишь в километре от меня, ближе к станции Речной вокзал.

Набираю в грудь воздуха. Светлов внушает ужас — но еще больше я боюсь, что из моей жизни он однажды исчезнет. Боюсь, что просто не найду другой работы. Кому я вообще

нужна — с одним единственным гуманитарным образованием и двумя госпитализациями в дурку? В тридцать два года, похожая на сбитуую машиной ворону?

В конце концов, не должна ли я быть ему благодарна — Светлов никогда не кидал меня на деньги, почти не задерживал зарплату.

Ежусь от холода — голова кружится от хронического недосыпа. Выпить кофе не вариант — странная аномалия, но от кофеина я обычно еще сильнее хочу спать.

Пока бреду на встречу, начинает лить дождь. Я натягиваю капюшон поглубже, но он не особо защищает, и вскоре голова становится такой же мокрой, как и руки.

По адресу я нахожу уютную кирпичную сталинку. В моем детстве такие считались старьем и памятью о страшном тоталитарном прошлом — теперь же, в эпоху челоуейников и двадцатиметровых студий, массовое строительство развитого (и не очень) социализма кажется чуть ли не элитным жильем.

Кухня отдельно, потолки высокие, комнат две, а то и три, и ветки в окна стучат. Красота же.

На первом этаже вижу кофейню. Она зазывает внутрь теплыми белыми лампочками — в мир бессовестно дорогого и не очень вкусного кофе.

Нет, ну 450 рублей за 0.3, вы там совсем с дуба рухнули?

Бариста в белой футболке, совсем ребенок еще, отрывается от телефона и спрашивает, чего бы я хотела. Я отнекива-

юсь и вешаю куртку на крючок — на полу тут же образуется лужа. Внезапно замечаю еще один оранжевый листок — он приклеен прямо у двери, рядом со стеллажом для пледов и книг.

— Явилась? — раздраженно спрашивает Светлов. Он сидит прямо посередине кофейни с огромным планшетом в руках.

При виде этого человека вживую сердце заходится в панике. Каждая наша встреча напоминает сеанс БДСМ, где мне забыли сказать стоп-слово. К счастью, обычно Светлов предпочитает отдавать приказы дистанционно — а лицом к лицу мы видимся от силы раз в месяц, но хватает надолго.

Даже сидя, Николай Светлов нависает надо мной — роста в нем почти метр девяносто, а веса, наверное, сто двадцать килограммов. Он носит кожаные куртки с меховой подкладкой и огромные цепи на груди, будто бандит из девяностых. У него неряшливая борода и проколотые уши, а еще слишком толстые пальцы, украшенные огромными перстнями из дешевых сплавов.

— Алисочка, ты знаешь, что твои косяки плохо влияют на мое бизнес-реноме? — обманчиво ласково говорит Николай.

Зеркало, стоящее между полками с пледами и витриной, показывает сутулящуюся худую женщину с короткими черными волосами, растрепанными как воронье гнездо. Даже когда я делаю усилие, чтобы выглядеть прилично, порой похожа на бездомную, а уж когда меня срывают с места в ре-

жиме «внезапно», вызываю только жалость и желание дать на опохмел. Хотя я совсем не пью. Впрочем, порой кажется, что ЗОЖ в моем случае просто форма самоистязания.

— Что, сказать нечего?

Ничего не говорю. Смотрю, как загипнотизированная, на листовку у двери.

Ксения Морозова, шестнадцать лет. Пропала в городе Истра.

Интересно, думаю я, а были бы такие листовки раньше — нашли бы мою мать сразу? Отыскали бы, прочесывая лес? Или все куда проще: ее бы заметили камеры и отследил «дядя майор» по цифровому следу? Ну или тетя. В конце концов, женщины тоже стоят на защите родины.

— ...Мне не нужны люди, которые не выкладываются в проект по полной. Мне нужны те, которые горят работой! На которых я могу положиться! А не которые, япона мать, не могут документы отнести!

— Я же не могла непонятно кому их оставить, — бормочу я, стараясь не смотреть Николаю в глаза. Мне кажется, если я посмотрю в них, то окаменею.

— А надо было разобраться! Тебе задачу дали? Значит, выполняй! Сдохни, но сделай. А ты не сделала! И мне теперь тебе зарплату платить?

А может, мама бы и сама поставила геотег на фотографии в личном ТГ-канале, продолжаю думать я. Помахала бы ручкой в камеру, садясь в машину к незнакомцу — и громко

сказала: эй, вот номер машины, а это дядя Миша, вы же Миша, да? В общем, он отвезет меня в город, буду через час. А вы, дядя Миша, не расстраивайтесь, просто в следующий раз гасите жертву со спины.

— Где документы?! — Светлов хлопает ладонью по столу. Я вздрагиваю и тянусь за рюкзаком. Папка чуть намокла — водонепроницаемость сумки оказалась сильно преувеличена. Протягиваю «бесценный груз» Николаю.

— Это что такое? — спрашивает он.

Вся внутренне сжимаюсь. И внешне я тоже превратилась в комок отчаяния. Он меня точно уволит. И что мне делать с никому не нужной вышкой по гуманитарным наукам?

— На тебя заявление можно накатать, а?! Это что, блин?! — вопит Николай.

— Это то, что мне дали на Нагатинской... Я ее не открывала.

Николай машет пачкой бумаг в прозрачных файликах. Я не очень понимаю, что там, но, видимо, не то, что нужно.

— А проверить не судьба?!

— Так вы же мне сами запретили открывать и смотреть! — наконец говорю я. Светлов из тех параноиков, что никогда не оставят паспортные данные в салоне связи, но пустят в квартиру курьера или эскортницу без каких-либо дополнительных вопросов.

— Как у тебя все удобно, а?! Ты понимаешь, что ты меня подставила на пару сотен тысяч?! Будешь полгода бесплатно

пахать, пока с процентами не отработаешь!

Я совсем уже беспомощно пытаюсь защититься, но все бесполезно.

— Житья тебе не дам, так и знай! Будешь на коленях по всей Нагатинской ползать, пока не отработаешь. Хоть бы красивая была, так нет, на тебя даже у бомжа не встанет.

Я никогда не давала Светлову отпор, а ответом на нападки были разве что тихие слезы. Ведь это он такой хороший, такой справедливый, взял меня почти без опыта работы, с никому не нужной вышкой по истории, спустя несколько лет затяжной депрессии и двух госпитализаций.

Ненужную никому, даже самой себе.

— Смотри на меня, дрянь, когда я с тобой разговариваю!

— Николай стучит по столу.

Удар кулаком призван напугать. Сломить. Рабочий, впрочем, метод — так уж мы устроены.

Но стоит толстой руке коснуться белого стола из ДСП — что-то ломается. Не воля и не хребет, а будто рушится от дуновения ветра прогнившая стена.

Николай кричит — угрожает убить, закопать на заднем дворе, пустить по кругу (именно в такой последовательности), а я внезапно понимаю, что мне все равно. Это как в ужастиках — в какой-то момент перестает быть страшно, а становится просто смешно, стоит постановщику перегнуть палку с кровопролитием.

И Николай банально смешон — огромный, заплывший

жиром темщик, который сам не помнит, что именно должны были отдать в офисе на Нагатинской. А может, и не Нагатинской. Если уж он аэропорты перепутал, то в станциях метро бы легко запутался. Тем более что схемы в вагонах переклеивают каждый месяц, стоит московской осьминожке и поводу для зависти у иностранцев отрастить новый участок.

— Что думаешь, я не знаю, кто ты такая? Пробил я тут твою мамашку приемную и откуда она тебя взяла. Интересно получается, Алиса...

Что именно получается «интересно», он не договаривает, потому что я хватаю бумажный стакан с кофе и выливаю ему на голову. Потом для верности еще стучу по доньшку, чтобы вылилось все.

Капучино на кокосовом молоке с кокосовым сиропом, все как он любит.

Напиток (жаль, что остывший) проливается на одежду, планшет и бесценные документы с Нагатинской. Может, конечно, и не с Нагатинской, и не бесценные, и не документы.

Николай ошалело смотрит на меня. Мальчик-бариста отодвинулся куда-то в дальний угол, видимо раздумывая, а не выйти ли на перекур.

— Ах ты...

— Иди ты к лешему, — внезапно спокойно говорю я. — В жопу себе засунь бумажки эти.

— Да я тебя...

Хватаю сумку и иду на выход. Николай пытается догнать

меня, но я уже на холодной улице. Огромная туша поскальывается на свежем гололеде и со всей дури падает на асфальт.

Светлов что-то кричит, прокликает, угрожает, пока проходящий мимо хромающий мужчина в военной форме не просит его заткнуться. Тогда Светлов замолкает, а я ускоряю шаг, лишь бы скрыться с глаз.

А я бегу в так хорошо знакомые мне переулки. На ходу застегиваю куртку и достаю смартфон.

Кидаю все три номера начальника в черный список.

Удаляю почти всю телефонную книжку — у меня там практически нет номеров, не связанных с бывшим начальником, разве что приемная мама да электрик из управляйки. Управляйка вообще отдельная история — кажется, на всех его сотрудников уже навели порчу.

В конце концов, в трех башнях нашего ЖК больше тысячи квартир. По статистической вероятности должна быть хоть одна практикующая ведьма.

Выхожу из бесконечных аккаунтов таск-трекеров. Каждый месяц Николай заводил новые, а потом возвращался к старым, так что я привыкла на всякий случай хранить информацию везде.

Удаляю из памяти браузера пароль к рабочей почте. Чищу все, выметаю Николая и его бизнес-процессы из своей жизни. Сношу приложения. Удаляю файлы. Кринжую при виде сообщений месячной давности: мольбы не штрафовать

на ползарплаты, решительное «сделаю» в одиннадцать часов вечера в пятницу.

Жалко, что я не работала в старомодном офисе. Можно было бы сложить костер из ставших ненужными документов. И поджечь где-то на городской окраине, уничтожив скверну в простом и древнем обряде разведения огня.

Снимаю капюшон, позволяя снежинкам падать на лицо. В метро не спускаюсь — не хочу, север зеленой ветки вечером наводит тоску — и иду пешком вдоль Ленинградки. То и дело машины обдают меня грязной водой, но мне, в общем-то, все равно.

Внезапно чудится, что меня освободили из пятилетнего плена, и я впервые вдыхаю свежий воздух. Свободна. Свободна от выкрутасов Николая, постоянной неопределенности и невозможности планировать жизнь дальше пары часов. Вдруг ему будет нужно отвезти документы. Или срочно сделать презентацию. Подготовить документы в ночь на воскресенье. Прибежать через весь город, только чтобы в последний момент узнать, что уже неактуально.

Чувствовала я себя так же в далеком девяносто пятом, когда меня, двухлетку, впервые вывели на улицу?

Время уже почти десять вечера, когда я добираюсь до дома — многоэтажки-человеяника, воткнутой между шоссе и районом сталинок. Когда-то здесь шумел огромный вещевой рынок, полный китайского и турецкого барахла, по грустной иронии лучшего качества, чем ассортимент современ-

ных маркетплейсов.

Помню, как в детстве стояла на картонке, меряя джинсы и рубашки, пока мама Женя болтала с продавщицей. Потом все эти рынки ушли в прошлое, как теперь в прошлое уходят торговые центры. Рынок давно закатали в асфальт, а на прежнем месте выросла башня, вся покрытая окнами, будто кошмар трихофоба.

Иду пешком — не люблю лифты. Мне кажется, что меня хотят там замуровать, на этот раз навсегда. Поднимаюсь на двенадцатый этаж, оказываюсь у дверей своей маленькой квартиры — что ж, за нее хоть не платить, она моя и только моя, подаренная государством и обжитая приемной мамой.

Практичная, как все журналисты, Женя Заирова сделала все, чтобы жилье я получила вовремя и съехала. Лишь изредка она заявляется и спрашивает, как дела и все ли в порядке. С каждым годом это все больше напоминает галочку в ежедневнике. Ну а последний месяц мы вообще не разговариваем.

У мамы Жени есть веская причина лишний раз на меня не смотреть. Так уж вышло, что со своей худобой, черными волосами и темными глазами я похожа во всем не на несчастную биологическую мать.

А я не хочу разговаривать, потому что знаю, зачем меня удочерили.

Захожу в квартиру. Ставлю промокшие ботинки на одинокий коврик. Снимаю куртку. Мою руки. Захожу в един-

стенную комнату, почти полностью занятую слишком для меня большой кроватью.

Сажусь за рабочий стол — он стоит прямо перед окном, поэтому, когда я работаю, вижу перед собой далекие высоты, пронзающие низкие серые облака.

Мне ничего не надо делать, напоминаю себе. Ни звонить, ни писать, ни отслеживать таск-трекинг. Все. Я безработная.

Привыкаю к внезапной свободе. На вкус она как холодный чай, который был так нужен вечером и про который забыли в бытовой суете. Вылить жалко, пить противно. Залипаю в интернете, бессмысленно щелкаю вкладками. Мне никто никогда не пишет — кроме ботов, разумеется. Всех, кто мог мне писать, я исключила из своей жизни много лет назад.

Иду на кухню. Ставлю сковородку на плиту. Готовлю холостяцкий ужин — или какой там эпитет, если еду варганит добровольно одинокая девушка? Мне не для чего стараться, уж точно не для самой себя.

Пока ем, листаю такой внезапно опустевший мессенджер — без Светлова и его бесконечных партнеров мир кажется необычайно тихим.

А вот в домовом чате кипит дискуссия. Из любопытства открываю его и ожидаю срача на тему плохой работы управляющей компании или того, что обитатель квартиры на пятом этаже, артист музыкального театра и рок-музыкант, раз в неделю проводит стримы и поет.

Сам артист возражал, что, мол, делает он это в разрешен-

ное законом время. А вот мордобой над его квартирой происходит двадцать четыре на семь. На что человеку искусства ответили, мол, мордобой в доме это мордобой, а для пения есть специально отведенные места. После чего артист вышел из чата — и специально сделал громкость побольше.

Но сейчас в чате речь не о том.

Кто-то ругается, кто-то предлагает помощь. Спамят открытками с молитвами и эмодзи в виде сложенных рук. Кажется, сейчас активно в чате сидит весь дом.

Пропала десятиклассница с пятого этажа, Вера Копылова.

Не пришла на дополнительные занятия, а телефон не отвечает. Смарт-часы (господи, бедный почти взрослый ребенок, в таком возрасте, да на цифровом поводке) и вовсе забыла в раздевалке, там они грустно и лежали, ожидая хозяйку.

Одноклассники? Друзья? Так их у Веры и нет. Наверное, с кем-то общалась по интернету. Ах, родители еще и паролей не знают? Да посадить их за намеренное подвергание несовершеннолетнего опасности! Сейчас же время беспокойное такое, наговорить подростку могут все, что угодно — а потом доказывай «дяде или тете майору», что дитяtko подожгло кинотеатр по глупости, а не из желания совершить тяжкое уголовное преступление. И что деньги мошенникам и уехали не Внезапно думаю, что быть ребенком, рожденным после две тысячи десятого года, — наказание за грехи в прошлой жизни. Предал родину за двадцать девять серебрянни-

ков? Живи теперь на электронном поводе без права на приватность в тридцатиметровой студии, за которую твоя семья никогда не выплатит ипотеку. Так что и наследства в виде бабушкиных квартир да дедушкиных дач у тебя тоже никогда не будет.

Мою сковороду. Потом завариваю еще чаю — я вечно мариную его по паре дней в железном чайничке, отчего у варена вкус смерти и земли. Знаю, что вредно. И что вы мне сделаете?

Выскакивает новое сообщение — нашли смартфон Веры. Где? А вот это правильный вопрос.

Станция Ярово. Семьдесят километров от того места, где возвышается наша высотка-человеёник. Точка на карте на границе Истринского и Волоколамского районов.

Ярово. Мой конец и мое начало.

Из всех мест, в которых можно было пропасть, Вера отправилась именно туда, где родилась я.

Гуглю фотографии — лишенная крыши платформа, лес по обе стороны железнодорожного полотна. Раньше там была деревня, но она почти полностью исчезла, так что и платформа существовала только как памятник прошедшим годам. И не останавливался там почти никто.

А куда Вера подевалась дальше? Одно дело, сбежать из дома и схватиться у друзей в Химках. Или провести ночь в теплом подъезде, следуя очередному челленджу, существующему ради того, чтобы отфильтровать гены идиотизма, ко-

гда носитель еще не обзавелся потомством.

Вижу номер координатора. Но оказаться ноябрьским вечером посреди нигде, на холодной платформе, и отправиться напрямиком в лес? Зачем?

Выхожу на балкон, смотрю вниз — там стоит толпа соседей и что-то громко обсуждает.

Не мое дело. Не моя проблема. Я даже толком не знаю этого ребенка. Да найдется. Да вернется. Ее сейчас ищут специально обученные люди.

Вообще, знаете ли, правила трех суток не существует, но действует. Нельзя же подрываться по каждому поводу.

Потом думаю о девушке, что в далеком девьяностом села в машину к незнакомцу и исчезла, считай, навсегда. Видел ли мою маму кто-то? Мог ли рассказать тогда еще милиции? Если бы кто-то ее увидел, нашел, заметил — не было бы ничего: ни кошмара, ни меня.

Может, дело в названии места, но мои пальцы работают быстрее, чем я успеваю сообразить.

Я пишу, что готова поехать.

Прямо сейчас.

Равиль

Пальцы болят от монотонной работы. Маленькие колышки не поддаются лезвию, то соскакивают, то ломаются. Весь стол и пол вокруг завалены осиновыми щепками, будто на

уроке труда.

Дальше самое неприятное — мало вырезать колья, надо нанести на них руны. Нет, не обычные, как в магазинах эзотерики и на магических ярмарках. Более древние, более опасные.

Когда-то давно мир расчертили на две части, проложив невидимую борозду. По правую руку — мир людей, по левую — духи и чудовища. Порой граница истончается, и тогда туда-сюда начинают ходить незванные гости.

Я наношу руны выжигателем — обычным паяльником с нужной насадкой. Раскаленный металлический наконечник касается дерева, и появляется черная полоса, от которой идет тонкая струйка нарождающегося дыма.

Ненавижу запах горящей древесины. В сполохах огня мне вечно чудятся знакомые лица.

Узор на колышке выходит криво, отчего символ выглядит еще более неприятно, чем должен. В завитках и острых углах мне видится потаенное знание, к которому я не хочу прикасаться.

Беру следующее колышко. Рисую второй символ — сегодня я выжигаю заклинание по слогу на каждый оберег. Сам себе я напоминаю мастера, который способен сделать ключ от всех дверей, но не откроет ни одну из них.

Я делаю свою работу. Больше меня ничего не интересует. В конце концов, про некоторые двери лучше и вовсе не знать.

Глава 2

Алиса

8 мая 1990 года девушка по имени Надя К. вышла с дискотеки и обнаружила, что до дома ей никак не добраться. Сделав то, что делать нельзя, а именно поймав попутку, Надя исчезла на долгие пять лет.

Время, конечно, выбрала Надя неудачное, чтобы сгинуть – рушилась страна, рушились устои, рушился и сам мир. То что вчера было немислимым становилось явью, и в пору было задуматься, каких еще демонов прятали в шкафах добропорядочные советские граждане.

Но, все же, девушку искали, хоть ее семье и приходилось выслушивать, что, мол, на панель ушла бывшая комсомолка Надя. А пьяный свидетель, последний, кто разговаривал с потеряшкой, утверждал, что в машину она села добровольно. А вот что за машина, какие номера, да даже какой цвет – безмолвный очевидец не запомнил.

Потом, впрочем, он станет завсегдаем ток-шоу – и долго еще будет публично каяться, что не запомнил, не спас, не выполнил гражданский долг.

Искали Надю в Москве, искали в Ленинграде-Питере, ис-

кали в притонах, искали в больницах. Искали, искали, искали.

Исчезла страна, гражданкой которой была Надя. Случился расстрел Белого дома, началась шоковая терапия. Лишился жизни ростовский душегуб Андрей Романович, а новокузнецкий людоед принялся за собственную кровавую серию на пару с любящей мамочкой. В еще более далеком Ангарске их коллега оскалил клыки и вышел на безумную охоту. Шли полным ходом «святые девяностые» — о которых выжившие пожелали бы забыть.

А в октябре 1995 житель деревни Ярово убил в пьяной драке собутыльника, а затем и мать. Вроде как из-за карточного долга, но кто уж скажет точно. Приехавшие на место милиционеры обнаружили не только труп и улики на пару старых, еще советских «висяков», но и пропавшую пять лет назад Надю, прикованную цепью в подвале деревенского дома.

И с ней — маленькую девочку, никогда не видевшую солнечного света и других людей. Перепуганный зверек двух лет от роду жался к матери, не давался на руки, а потом во все глаза смотрел на белую Ниву с мигалками, доедая пачку юбилейного печенья. В руках у девочки была тканая куколка без лица, которой хозяйка показывала открывшийся так внезапно большой мир.

Впрочем, порой родовое проклятие столь сильно, что настигает даже сквозь года. Надя умерла от осложнений, ма-

ньяка, получившего имя Душегуб из Ярово, отправили в психбольницу закрытого типа, ну а девочка — получила новое имя и шанс на другую жизнь.

Я бреду по лесу вместе с маленькой группой поисковиков. Мы держимся на расстоянии метр друг от друга, буквально прочесывая территорию. Чем дальше мы идем, тем сложнее: лес непроходим из-за грязи и бездорожья. Хотя я вижу фонари других поисковиков в отдалении, мне кажется, что я совсем одна в глуши.

Вдалеке лают собаки, громко переговариваются координаторы.

Какие наши вводные? Вера — домашний ребенок, которого не заставишь даже поехать на экскурсию, у которого нет друзей в офлайне и который боится ездить на метро. Рано утром она прошла мимо школы, добралась до платформы Стрешнево и уехала за семьдесят километров от Москвы. Бросила смартфон в снег — и направилась в лес, не заходя в деревню Ярово. Хотя какая деревня, там всего три жилых дома осталось, даже сельпо нет.

Родители — благополучные. У мамы лайфстайл-блог, у папы стабильная работа в государственном учреждении. Деньги есть. Все есть. Друзей, правда, нет, но одиночество — удел умных. Да и родителям спокойнее.

Меня ставят в компанию к странной троице — Ульяна, репетитор французского из Одинцово. На вид ей лет сорок, на щеке — шрам от ожога. Второй — Роман, представился

как поэт и пригласил меня прийти на слэм в следующую пятницу. Когда я спросила, что это такое, Ульяна как-то странно скривилась и пояснила: «Это когда люди, мнящие себя поэтами, матерятся и кричат в микрофон на скорость». «Поэта обидеть может каждый», — грустно замечает Роман.

Третья — девушка с пирсингом в носу, откликается на Сашу — и почему-то говорит о себе в мужском роде. Не пойму, знают ли эти трое друг друга или нет. Или же люди, подобные им, соединяются автоматически, будто незапароленные девайсы, и сразу знают о друг друге все.

— Места тут нехорошие, — говорит Саша, чтобы начать разговор.

— Просто лес густой и болота, — отмахивается Роман. — Городские приезжают, думают, тут как в парке. А это не парк, это лес. Самый настоящий. В Европе их все повырубали в Средние века, а у нас остались. Подлинные, непроходимые, как в древних сагах о драконах.

— Да тут всегда черти что творилось, — продолжает Ульяна. — Вот дело Душегуба из Ярово знаете? Это же буквально в пяти километрах было.

Замираю с холодным фонарем в руке.

— Ну который девушку в подвале на цепи держал, — продолжает репетитор. — Она еще ребенка от него родила. А сам он то ли двух, то ли троих убил. Сидит вот уже тридцать лет в дурке. Кормим за свои налоги.

— Да пристрелить его было надо, еще до моратория, —

добавляет Саша.

— Оно и к лучшему, что дурка, — замечает Ульяна. — Из тюрьмы и выпустить могли, как Скопинского. А сектанты тогда, в две тысячи втором? Тоже тут все было, километрах в пятнадцати. Сожгли себя живьем, как старообрядцы.

— А что, из дурки, думаешь, не выпускают? — говорит Саша. — Джумагалиева вон чуть не выпустили, Спесивцева. А эти двое поопаснее будут, людоеды хреновы.

— Так не выпустили же. Что панику нагонять. Да и этому... как его...

— Норкову, — зачем-то говорю я. — Михаил Норков.

— Вот правильно — маньяк Норков. Ну ему уже лет сколько, семьдесят? Восемьдесят? Кому он навредит? Да его любая девка скрутит и сама в подвале закроет. Ну выйдет он в страшный и ужасный цифровой мир. Представь: он же вообще беспомощный. Пусть лечится.

— Чего его лечить? — спрашивает Роман. — В погребе запереть на цепи, жрачки на год положить — и проведать через пару лет. Вот с Фритцлем из Австрии так же надо было: запереть в подвале и бетоном залить. Знаете, как было в Древнем Шумере? Наказание соразмерно преступлению — законы Хаммурапи, так-то.

— Вы у нас, батенька, шумеролог или путешественник во времени? — язвит Ульяна.

— Я интеллигент.

— В третьем поколении?

— В четвертом.

— И коренной москвич, естественно?

— Обижаете, я из Перми.

— А что же делает пермский интеллигент в четвертом поколении в лесах Подмоскovie? — не понимает репетитор.

— Пытается найти ответ на извечный спор между москвичами и остальными россиянами.

— И к каким же выводам ты пришел?

— Слушайте, да задрали вы оба! — кричит Саша, и парочка замолкает. Какое-то время ничего не говорим, пока уже сама неформалка не возобновляет разговор. — А знаешь, что самое поганое, — говорит она. К этому моменту мы уже идем друг за дружкой, едва протискиваясь через бурелом и кустарники. — Что девчонку эту могли сто пять раз спасти. Там челик был, который к ней приставал на дискотеке и видел, как она в тачку садилась. А потом вспомнить не мог ничего. Все ходил, в грудь себя бил. Аж в десятом на телек приперся каяться. И мамка у психа была, она же все знала.

— Кстати, на, как ты выразилась, челика не наговаривай, — замечает Роман. — Он волонтером потом стал, на старости лет. Я его встречал, переживает до сих пор.

— А девке той что те переживания, если ее пять лет в подвале насильовали? — не понимает Саша, а Ульяна ей поддает. — И ребенку? Прикинь: вырасти и узнать, что у тебя папаша — маньяк Чикатило.

— Так ее удочерили, — замечает Роман. — Вот живет

человек и ничего не знает. Тайна усыновления, так-то. Эй, ты чего замерла? Фонарем свети!

Понимаю, что говорят это мне. Луч выхватывает лицо репетитора — шрам и правда выглядит жутковато, как огромное пятно на правой щеке в виде буквы «М».

— Кислотой плеснули, — говорит она. — Родная сестра, между прочим.

— За что? — спрашиваю я.

— Подумала, что я мужа увести хочу.

— Между прочим, у Ульяны обет безбрачия, — добавляет Роман. Репетитор смотрит на него с осуждением, а потом дает подзатыльник.

— Кончайте детский сад! — ругается Саша и идет вперед. — Алиса, давай за мной, а то эти двое сейчас начнут отношения выяснять. Что замерла? Пошли.

Ноги не двигаются. Я снимаю капюшон, и на голову мне падают снежинки.

И ощущаю так, словно злая сила позвала домой.

Домой... Помню ли я хоть что-то? Первое воспоминание — это залитая солнцем белая палата, полная пластмассовых игрушек, — и мама Женя, громко разговаривающая о чем-то с врачом. Тогда она еще не была мамой Женей, она была журналисткой, занимавшейся маньяками и серийными убийцами. Уж для ее профессии девяностые были золотое время.

Много лет спустя я буду спрашивать ее: зачем она меня

взяла? Чтобы что? Доказать, что генетика – лженаука, и дочь поехавшего преступника вырастет нормальным человеком? Или так проявилась ее собственная гибридофилия, заставляющая иных дам жениться на серийниках?

Мама Женя отмахивалась и погружалась в очередную документалку. То о банде неонацистов снимала, то интервью у жертвы пластического хирурга брала. Всяко интереснее, чем отвечать на мои вопросы – тем более, что за ответы ей не платила партнерка и не кидали донаты.

Поисковики уходят все дальше и дальше, свет фонарей теряется меж деревьев. Их голоса еле долетают до меня, становясь все тише и тише. Эхо голосов, «Вера, Вера!» тает, и уже невозможно определить, откуда именно они доносятся.

А я стою по щиколотку в грязи и снеге. Руки жжет холодом, изо рта вырывается пар. Лес тянется ко мне ветками-косями, то и дело царапая кожу.

Кажется, что лес живой.

Лес – нечеловеческое место. Наше там, на опушках, в долинах, на равнинах. А здесь ничего не менялось с тех пор, как сорок тысяч лет назад с юга пришел первый человек.

Оглядываюсь, чтобы пойти назад по собственным следам. Главное правило спасателя: не создавай МЧС новых проблем, не помогай, если не можешь помочь себе. Плохая была идея ехать, что за глупый героизм. Что хотела доказать?

Лес обманывает: свет мелькает то там, то здесь, а звуки больше похожи на оклики лешего, стремящегося потопить

путника в болоте.

Славянский фольклор не зря населил первобытные леса Центрального федерального округа такой нечистью, что и не снилась германским драконам. Не так уж много осталось на западе древних непроходимых массивов, столь привычных для моей родины-матери. Кажется, здесь, на востоке, потусторонняя природа сказала человеку «хватит» и пустила к себе только тех, кто был готов терпеть нечисть и полное собрание сочинений по теме низшей славянской мифологии.

Михаил Норков. Михаил Норков, слышится в хрусте мерзлых веток.

Ты не Заирова Алиса Евгеньевна. Это выдуманное имя, псевдоним мамы Жени плюс необходимость иметь отчество в стране, свято чтущей патрилинейные законы древности. Ты – Норкова Алиса Михайловна, чернявая, как отец-маньяк, его молодая феминная копия, приведшая в ужас рано постаревшую биологическую бабушку, когда ты появилась на ее пороге.

Моя кровь отравана, моя плоть – гниющее мясо. Я рождена от насилия и боли – и ничего кроме этого мне не дано узнать.

Оступаю и падаю. Снег забивается в короткие ботинки, ветки царапают ноги.

Может, лечь и помереть, вдруг думаю я. Исчезнуть навсегда. Пропасть. Меня никогда не должно было быть – так пусть и не будет.

Нет, одергиваю себя. Не надо создавать людям проблем.

Они и так среди ночи сидят в лесу, ищут девочку. Не хватало еще, чтобы на меня время тратили.

Поэтому встаю, отряхиваюсь – и вдруг...

Вижу Веру.

Старшеклассница сидит под деревом на корточках. Она без шапки, в короткой демисезонной куртке и в намокших кроссовках. Короткие рыжие волосы запорошены снегом, лицо покрыто грязью. Подросток не моргает, когда я слеплю ей лицо фонарем.

– Вер, привет, – говорю я. – Это Алиса с двенадцатого этажа, помнишь меня?

Вера смотрит как бы сквозь меня. У нее темные круги под глазами, губы бледные. Что такого там случилось прошлой ночью? И как давно она в этом лесу?

Сажусь на корточки, чтобы наши глаза были на одном уровне. Тянусь рукой – хочу крикнуть, позвать других на помощь, но слова застревают в горле.

Вера тянется ко мне, и я помогаю ей встать. Одежда мокрая, будто подросток свалился в пруд. Мне даже кажется, я вижу в волосах тину, хотя, скорее всего, водоемы уже покрыты льдом. Может, и не тина это вовсе.

Снимаю куртку, накидываю на Веру. На мне одна только толстовка с футболкой под ней. Моментально начинаю замерзать. Холод замораживает насквозь, будто ледяная рука сжимает сердце и легкие.

– Пойдем, – веду Веру вперед, – твои за тебя волнуются.

А что дома... ну, бывает, всякая фигня случается. Знаешь, моя приемная мама как-то сказала, что в огороде на даче за-копает, если еще раз напьюсь. Два дня дома не появлялась.

Девочка ничего не говорит, а я уже дрожу так, будто у меня мини-эпилептический припадок. Пальцы ног свело от растаявшего в ботинке снега, края джинс тоже намокли. Больше всего на свете хочется домой, под одеяло, и никогда оттуда не вылезать.

Вера дергает за рукав, пытаюсь вырваться, но я держу крепко, словно похититель детей из сказки.

Вижу в отдалении свет — вроде как лагерь поставили в той стороне. Направляюсь сразу туда, то и дело спотыкаясь о ветки и пеньки.

Минуты через две-три понимаю, что свет фонарей не приближается, а удаляется.

А еще секунд через десять до меня доходит...

Что я ничего не слышу.

Ни лая собак, ни голосов других людей. Никто не зовет Веру, нет отголосков эха. И свет — мелькает то там, то здесь, подзывает то красным, то синим, словно где-то поодаль деревья украсили гирляндами.

Открываю рот, чтобы покричать, но слова вновь застревают в горле — нет, уже не психологический блок, не экстремальная форма застенчивости.

Я просто не могу говорить.

Ускоряю шаг, таща Веру за собой. Черт с ним, главное

— выйти к людям. Сдам Веру родителям и врачам, а сама напьюсь горячего чая с сахаром из термоса и поеду домой — может, подбросит кто.

И тут свет пропадает.

Знаете ту самую странную липкую темноту, которая окутывает двор многоэтажки, когда разом отрубает электричество посреди ночи? Неестественную, апокалиптическую, заставляющую задумываться о вещах, о которых вы бы не хотели знать?

Что ж, сейчас это уже не просто тьма, а отец тьмы.

Глухой черный лес — хоть выкалывай глаза, разницы не почувствуешь. Вера отпускает ладонь, но я чувствую, что потеряшка стоит рядом. Фонарь тоже гаснет — батарейки сели. Хлопаю себя по карманам, нащупываю смартфон — звонить бесполезно, тут нет связи, но хоть пойму, где нахожусь.

Руки дрожат от холода, мороз пробрал до самых внутренних. Девайс падает с выключенным экраном, и я вслепую шарю по грязи и снегу в поисках пропажи.

Вера все еще позади меня. Стоит и молчит.

Наконец окоченевшие пальцы чувствуют холодную поверхность телефона. Я включаю экран и вижу заставку — белого котенка с подписью: «Какая мерзость — мой мир рухнул, а я остался жив». Пытаюсь вбить пин-код, но окоченевшие пальцы промахиваются.

Вера делает шаг и встает напротив. Внимательно смотрит. Наконец экран разблокируется, и яркий свет слепит глаза.

Говорят, что когда просыпаешься среди ночи в пустой квартире и полной тишине — это значит, что на тебя кто-то или что-то смотрит.

Та самая вшитая на подкорку чуйка, что будит тебя среди ночи, сейчас очень четко говорит мне: рядом со мной вовсе не Вера.

– Он уже здесь, – говорит то, что стоит напротив. – **ОН УЖЕ ЗДЕСЬ!**

На Веру оно похоже не больше, чем тканая куколка без лица похожа на человека. Мокрая и грязная поделка, наскоро сделанная из тени и веток.

Я хочу кричать, но голоса нет. И тогда порождение лесной ночи тянет ветко-руки к моим губам.

— **ОН УЖЕ ЗДЕСЬ!**

Это не то место, не обычный лес — это что-то другое, что-то иное. Деревья растут сверху вниз, снег — красный, будто кровь. Я забрела на чужую территорию — туда, куда нельзя простому смертному.

Ветер дует снизу, слегка прорываясь сквозь мокрую землю, как вода сквозь марлю. Лже-Вера рассыпается в прах, и потоки затхлого воздуха уносят ее крик вверх.

Смартфон окончательно перестает работать, и последняя связь с настоящим миром обрывается.

Я остаюсь одна.

Равиль

Знаю, что опоздал. Колышки никак не хотели создаваться: половину веток осины я просто впустую изломал. А те, что получились, изуродовал выжигателем — вместо рун там дымились черные круги.

Как будто я не делал этого вот уже шестой год.

То, что убивает детей, призвало новую жертву. Как Гамельнский крысолов просвистело в невидимую флейту — и вот еще один подросток сгинул в этом черном месте.

С той стороны хода нет. Как нет хода из царства мертвых — Идзанами навсегда останется в Еми, а Бальдр — в Хельхейме (ну разве что случится Рагнарек, но, как доказали старообрядцы, апокалипсис отворотим). Что мертво — остается мертвым. Ну и еще говорят, некоторые герои мифов возвращались плюс-минус не по частям, да и сказочные персонажи. Сомневаюсь, что таковые среди нас имеются.

Я вижу вдали волонтеров — уже совсем за полночь, температура упала. Я знаю, что в этой толпе родители пропавшей: повелитель леса, безымянный гипнотизер (имя его нельзя поминать всуе, если хочешь сохранить рассудок) не заберет просто так.

Человек без тьмы и без ран не услышит зова, как не почувствует призыва взяться за оружие тот, кому ни с кем воевать. Тот, что в лесу, подзывает жертв, пользуясь их гневом,

ненавистью и слабостью.

Мальчик, которого избивает мать. Девочка, которую не выпускают из дома. Юноша, ставший свидетелем преступления своего отца. Школьница с толстой косой, чье спасение обернулось катастрофой.

Если в дом проникла тьма — злись не на тьму, а на дом.

Кольшки с рунами жгут обожженные пальцы. Я проговариваю каждую из них — противоестественные слова не хотят произноситься и причиняют почти физическую боль.

Бесполезно.

Кольшки надо было воткнуть еще прошлой ночью — когда девочка только-только почувствовала призыв. Вот тогда был маленький, но шанс, что граница между миром живых и миром иным станет чуть сильнее, и зов ослабнет.

Вот только, почувствовав запах горелого дерева, я думал совсем не о том.

— Мы еще одного потеряли, — слышу женский голос. — Да девка новая, сказали, рядом держаться.

— Так она и не уходила никуда...

— Ага, а куда делась-то?

— Нет, взрослую дуру мы искать не будем! Сама пусть находится.

— Ты чо, дурак? А если она ногу сломала? Тебя тоже не искать, если что случится?

— Да не случится ничего со мной!

— Не зарекайся, шумеролог-интеллигент!

Прислушиваюсь. До слуха доносится завывание иного ветра, бушующего в черном лесу.

И в этом вое слышу голос покойного папаши.

Даже спустя двадцать лет самозванный отец Марк Игнатьев шепчет в ухо те же проклятия, что кричал, когда приказывал сечь розгами.

Молись, молись, и я тебя прощу. А, может, и нет. Ты неслух, ты испытание мое.

Псевдосвященник-псевдопророк мертв, но его душа, если таковая была, не пришлась ко двору ни в одном из вариантов царства мертвых. И вот он скитается недалеко от меня, вечно напоминая, почему я не люблю запах горелой древесины.

Интересно, а что если сжечь этот лес? Подсечно-огневым методом сделать первобытную дикую хтонь — пригодной для цивилизации? Не зря же такой способ обработки земли прижился среди древних восточных славян, что уходили все дальше в лес прочь от кипевшего котла переселения народов. В лесах обитали драконы, чудовища, черти и бесы — так что бы их всех не сжечь и не выстроить на пепелище города?

В глубине души знаю ответ — обитатели леса этого не позволят. Они слишком древние и слишком могущественные, чтобы поддаться на уловки смертных людей.

Да и к тому же в две тысячи десятом тут и так горело все, что можно и все, что нельзя, а этот участок, эту черную зону, пламя обошло стороной, как вода обходит севший на мель корабль.

В три часа ночи поисковики дают отбой. Они вернутся завтра. Послезавтра. С каждым разом их будет все меньше и меньше, пока девочку не перестанут искать все, кроме членов ее семьи.

Что же до неудачливой спасательницы... ей тоже назад хода нет. О да, ее тоже будут искать, хоть взрослых всегда жалуют меньше, чем детей. Спасать можно только у невидимой черты. Схватить за руку, оттащить. Мне удавалось несколько раз, хотя жертв тянуло туда, в лес, потусторонним магнитом.

А если они уже коснулись чудовищ, то спасатель из меня — как из палача врач.

Иной мир всегда в выигрыше: так или иначе мы все станем прахом на ветру. Да и что я могу сделать? С тем же успехом можно сдерживать зиму, растапливая во дворе снег.

Иной ветер дует еще сильнее и вырывает из земли последний колышек. Я против воли смотрю в лес.

Я не могу видеть то, что притаилось среди деревьев, но знаю, что оно там, подошло к самой границе.

Ты взял двоих — что тебе еще надо? Идешь за мной. Ну так иди. Как там говорится — не боюсь ни бога, ни черта, ни советской власти?

Ну так и я не боюсь. Забери меня, раз пришел.

Глава 3

Алиса

Как и любой приемный ребенок, Алиса росла с мыслью, что чего-то в жизни не хватает. Была мама Женя — журналистка и специалист по всякой чернухе. Порой мама Женя уезжала на полгода на юг, оставляя Алису-школьницу одну в большой квартире в полном распоряжении («ты только если парней водить будешь — предохраняться не забудь, я внуков нянчить не буду, так и знай»).

Родственников Алисе заменяли многочисленные друзья мамы Жени: психолог-НЛПишница со своей карманной сектой личностного роста, бывший вундеркинд, а ныне мелкий жулик, журналистка светской хроники и театральный актер в самом расцвете маленькой карьеры. Были среди них военные, будущие беглецы-релоканты, мелкие политики, бывшие осужденные. Сторонники моногамного церковного брака и участники оргиастических междусобойчиков. Законченные либералы и воинствующие патриоты, леваки и консерваторы, радикалы и пофигисты.

Все они приносили в дом к журналистке Жене Заировой свои истории. Порой страшные, порой абсурдные, порой за-

бавные. Иногда Алиса приходила и видела, как дирижер оркестра в одних шортах бьет по морде бывшего кикбоксера, а сидящая на диване с книжкой мама Женя просит не пачкать кровью ковер. Иногда Алисе приходилось вызывать скорую для танцовщицы, которую ну предупреждали же, надо завязывать, а то все межпозвоночные диски вылетят (они, собственно, и вылетели).

Квартира, в которой росла Алиса, была маленьким хабом, костром среди гигантского старинного города. К этому костру подтягивались путники, обменивая жизненный опыт на хлеб и кров по древнему закону гостеприимства. Согласно ему, никого из гостей не осуждали ни за взгляды, ни за прошлое. Если кому-то и вздумалось бы приодеться в белое пальто, он оказывался на лестничной клетке с черной меткой еще до начала обличающей речи. Могли и избить.

И Алиса знала — подполковник ВС РФ всегда поможет с математикой и английским, а панк-рокер философ отпинает ногами любого, кто Алису обижает. Что можно играть всю ночь в шахматы с бурятским шаманом, а утром споткнуться об его родного брата, совершающего в коридоре намаз.

Кому нужны эти унылые родственники с их вопросами, когда замуж и когда рожать, если можно спорить на реальные деньги, кто кого «арбузит»: писательница-вечный-диссидент или ее третий муж-дистрофик с нервным срывом?

Или неделями жить одной, потому что маме Жене нужно немедленно взять интервью у психопата из Якутска?

Но Алисе все не давало покоя ее происхождение. Она маме Жене не родная, ее удочерили еще в прошлом тысячелетии, далеко от девяносто шестом. Девушке даже полагались разные льготы, будто кто-то наверху хотел принести искренние извинения: «Простите, что так вышло, Алиса Евгеньевна. Мы не хотели».

И Алиса приставала к маме Жене: кто я? Где ты меня взяла? Ты же знаешь, ты не могла не знать. Ты — профессиональная врунья, но если бы и правда была не в курсе, то соткала бы милую историю, которая устроила всех.

И вот однажды мама Женя сдалась. К тому времени Алиса уже была совершеннолетней, жила отдельно. Девушка требовала правды. Как так, значит, приемная мама у нас правдоруб, лжи не приемлет, за свободу слова, гласность и все такое — а сказать, откуда ребенок, она, значит, не может. А где же, спрашивается, Евгения Петровна, конституционные права, когда они так нужны? Или тут, как часто бывает в нашем ВСЖ, права есть только у рожденных до девяностых, просто

— Правда тебе не понравится, — мама Женя потушила сигарету о рабочий стол, оставив на древесине черную оспинку.

— Да мне плевать. Скажи, как есть!

— Не плевать, Алис. Было бы плевать — ты бы за мной

не ходила.

— Что ж такое-то, мам!

— Не мамкай тут мне, не на митинге.

— Митинг-то тут при чем?

— А при том. Короче, давай так. Хорошенько подумай.

Очень хорошо и долго подумай. И если решишься, то... будь проклята моя профессиональная этика, расскажу все как есть. Но я даю, так сказать, триггер ворнинг — тебе не понравится эта правда. А развидеть и расслышать ее ты не сможешь.

И тогда бы Алисе остановиться. Пора было уже иметь мозги и понимать, что Женя Заирова не просто так сделала карьеру сначала на чернухе, а потом на тру-крайме. Не просто так у нее в друзьях вся российская демография. Мама Женя знает, когда и что говорить, знает, как общаться с разными людьми. И она бы не стала утаивать ни факта, не будь у нее на то веской причины.

Но Алиса захотела правды. Настоящей. Неподцензурной.

Правду она и получила.

Так уж вышло, что в девяносто пятом году гражданин Норков Михаил убил двух человек: собутыльника и собственную мать. Собутыльника — за то, что не отдал деньги, а мать — за то, что стала грозиться вызвать, наконец, милицию или дурку. Убить пьяницу и старуху лопатой по голове оказалось не сложно, а вот незаметно спрятать тела — задачей со звездочкой. Поэтому уже следую-

щим утром во дворе деревенского дома стоял милицейский УАЗик.

Милиция обыскала для вида дом. Михаил уже лежал мордой вниз во дворе. В избе не нашли ничего интересного, кроме следов общей и присущей эпохе деградации.

И вдруг обнаружили погреб, заваленный на бегу грязным тряпьем. Трогать ветошь было мерзко, она воняла блевотиной и сыростью, но, посоветовавшись, милиционеры все же решили не халтурить, а посмотреть, нет ли под землей чего интересного.

Тяжелый замок никак не снимался, а Норков отказывался говорить, где ключи. Ломать пришлось топором.

И, когда из глубины дома донесли характерные возгласы на буквы «б» и «е», милиционеры поняли, что можно закрыть один старый и неприятный висяк.

Пропавшая пятью годами ранее Надя, которой на тот момент уже было двадцать три, сидела, прикованная цепью к стене. А с ней – двухлетняя девочка, никогда не видевшая ни света, ни других людей. Как только в подвал хлынул свежий воздух, ребенок перестал плакать, а с ужасом и любопытством стал рассматривать гостей, так непохожих на хозяина проклятой избы.

Что же, надо радоваться. Хэппи-энд, так сказать. Надя ведь еще молодая, да и иным жертвам подземелий везло куда меньше и проводили в заточении они намного больше. Восемь лет, а то и четверть века. А Наде свезло, если так

можно сказать, куда больше, чем узницам Скопинского маньяка или несчастной австрийке Элизабет Фритцль.

Но – Надя умерла.

Осложнения после подвальных родов, плохая еда, запущенные болезни. Общий ужас произошедшего. Да мало ли было причин жертве маньяка не суметь оклеветаться?

А вот девочка была поразительно здорова для подвального ребенка и даже развита на свой возраст. Впервые видящая других детей, других людей и солнечный свет, брошенка оказалась сама по себе в доме малютки – и удивляла нянечек, которые были уверены, что перед ними просто сирота.

Именно это и поразило Женю Заирову, тогда еще Евгению Петровну. Что это, генетика, или Надина сила воли не дала ребенку превратиться в подвального Маугли?

И та, что станет мамой Женей, подключила еще совсем зеленые связи — и получила Алису себе. Тем более, что семья покойной «маленькое чудовище» брать отказалась, им было проще считать, что никакого младенца их дочь не рожала.

Да и стоит ли за подобное винить?

Как Алису звали раньше, никто не знал, так что мама Женя воспользовалась своим законным правом и нарекла девочку Алисой. «Но ты, Алиса, не из Кэрролла, на фиг он кому нужен. Ты как Алиса Селезнева, девочка, с которой ничего не случится», — объясняла всегда Женя. К советской фантастике у нее вообще была слабость – наверное, и друзей своих она воспринимала как роботов и инопланетян из

книжечек Бульчева.

Что ж. Вот она какая, правда. И вот оно какое, конституционное на нее право.

С тех пор на экране блокировки у Алисы стоит мем с котенком: «Какая мерзость – мой мир рухнул, а я остался жив».

Вообще, где справедливость? Почему физически можно выжить, а морально – умереть?

Долгие месяцы Алиса сидела и поглощала отравленную информацию о собственном биологическом отце. Семнадцатый год сменился восемнадцатым, восемнадцатый девятнадцатым. Мир уже катился в пропасть навстречу новому десятилетию – и никто не мог вообразить как сильно изменится сама реальность с наступлением две тысячи двадцатого.

А Алиса была одержима бесами прошлого, и жизнь проходила стороной. Иногда девушка все хотела забыть, сделать вид, что ничего ут знает – то сбегала из Москвы бродить по подмосковным городам, то уезжала автостопом черт пойми куда. А потом срывалась и снова начинала читать об отце.

Психопат и преступник, Норков дважды сидел при советской власти за преступления против половой неприкосновенности. Были еще убийства, совершенные в неразберихе девяностых и пара разбойных нападений. Мама Женя, правда, говорила, что половина — висяки, которые пришили зад-

ним числом, но от этого девушке легче не становилось.

Потому что в какой-то момент уже нет разницы, скольких именно порешили.

Кстати, а что мать? Вторая бабушка Алисы? В курсе ли была? Уже не спросишь, но, Алиса решила, что точно знала. Может, была совсем уже дурная и верила, что Надя там по доброй воле. В сети удалось найти одну лишь фотографию – там бабушка стояла на платформе Ярово, исподлобья глядя в камеру. Были в этом взгляде злость и усталость рано постаревшей женщины, вынужденной тянуть сына-уголовника.

Информации было мало – звали старуху, некогда бывшей юной девушкой, Ирина Николаевна. Работала всю жизнь в колхозе дояркой. Замужем не была. Образования не имела. Как-то вся жизнь прошла мимо, неправильно, бестолково – и был только сын, единственная радость. Хотя, может, не такая уж и радость – бывшие товарки рассказывали журналистам, мол, Мишку били, в подвале запирали, пока мать развлекалась с очередным хахалем.

Недооцененный вообще простор для криминалистов – матери маньяков.

А самое поганое было то, что с фотографий на Алису смотрело ее собственное лицо — Михаил Норков, тощий, черноволосый и черноглазый. Дочь родилась его точной копией — совсем непохожей на бедную русую Надю.

И он был еще жив. Сидел в дурке в одиночной палате, по-

тому что то и дело кидался на санитаров. И он, сволочь такая, наслаждался относительным комфортом, полагаясь нездоровому человеку. Хотя вряд ли смерть компенсировала бы годы заточения.

Вот такой парадокс. Не будь моратория, то получил бы Норков пулю в затылок. И никто бы все равно ни получил ни удовольствия, ни возмездия. А посади в обычную тюрьму – так уже бы и срок закончился.

– Он не псих, поверь мне, – сказала Женя, – отчет себе полностью отдавал. Но он навсегда останется взаперти, его никто не выпустит. Если бы посадили, то мог бы и выйти. А так... Даже не заморачивайся. Сдохнет – и никто про него не вспомнит.

Что же, в тот момент можно было с тем же успехом тушить горящее масло водой из кувшина.

Алиса забросила работу. С друзьями порвала. Стала выпивать. То пыталась доехать до дурки, где держали отца, то искала способ перестать всех смеить своим существованием. От алкоголя становилось немножко, но легче, а сам выбор очередной бутылки в местном «Красном и Белом» превращался в форму медитации.

Чем сегодня будем себя убивать? Виски, коньяк, вино, а может что-то доброе и вечное, а главное – светлое, отечественного производства?

А потом Алиса вдруг нашла выпуск ток-шоу еще из 2011 — оказывается, тогда Норкова чуть не выпустили. И Али-

са впервые увидела вторую бабушку — мать мертвой Нади. Та сидела на огромном диване в студии вместе со старшим сыном, пока ведущий и «эксперты» перемывали косточки то им, то мертвой Наде, то соседям Норкова.

Чем больше Алиса смотрела на пожилую женщину, тем больше ей казалось, что они даже похожи. Про ребенка в выпуске не говорили, но Алисе не составило труда найти в Одноклассниках и ВК свою настоящую родню.

Дядю.

Бабушку.

Двоюродную тетю.

Кузенов и кузин.

Алиса всегда переоценивала свои когнитивные способности. Наверное, биологический папаша тоже мнил себя великим махинатором. Обалденная ведь идея, прийти спустя двадцать три года, к людям, которые похоронили дочь и попытались стереть из памяти осознание того, что делали с девушкой в грязном погребе.

Появившейся на пороге частного дома в подмосковной Апрелевке Алисе не рад был никто — она принесла старую боль и старую травму, а еще собственное лицо, так ужасно непохожее на несчастную Надю.

Бабушка проклинала Алису всеми словами, желала гореть в аду рядом со своим папашей (кажется, забыв, что Норков все еще жил и здоровствовал), а дядя, старший Надин брат, спустил на племянницу пса, огромного ротвейле-

ра с дурным характером.

Лучшие бы Алиса никогда не появляться на свет — в каком-то другом, более счастливом мире, Надя не поймала попутку и была сих пор жива, имела семью, детей, и, может быть, даже внуков.

Так кричали Алисе кровные родственники, врезая проклятия в самое сердце.

Последующие события Алиса помнила плохо — да оно и к лучшему. О былом с тех пор напоминал только шрам на ноге, где арматура проткнула ногу. Вот уж как в анекдоте: смотреть надо, куда прыгаешь.

А не умеешь, не берись.

В больнице на Шаболовской, куда Алису положили после травмпункта, было хорошо. Мягкие стены, адекватные врачи. Мама Женя то и дело звонила, приносила гостинцы, а время от времени в мессенджерах писали друзья и сокурсники. Лечащий врач тоже был какой-то Женин знакомый, весь покрытый татуировками специалист по молодежным депрессиям. Специалист все знал и не расспрашивал без надобности. А угрозы повторить прыжок веры всерьез не воспринимал.

Когда лечение окончилось, стояло лето две тысячи двадцатого, люди ходили в масках, привычные улицы опустели. Алиса умудрилась пропустить все самое интересное — от шуток про зомби-вирус до павального локдауна. Было так странно прятаться под марлей, но было что-то в этом

приятное. Пусть никто не видит ее лица.

Никогда.

Алиса купила новую симку, удалила старые соцсети. Попыталась себя стереть, насколько это вообще возможно в мире, где все подтверждается через ВК и Госуслуги.

Алиса — гниль и мрак сырого подвала. Она — порождение насилия, удержания против воли. Ее не должно существовать. Ей бы лучше никогда не рождаться и никогда не существовать.

И раз так, то Алисе пора умереть.

Я, кажется, и правда умерла. Теперь моя участь — скитаться по этому глухому лесу бесплотным духом.

Деревья то появляются, то исчезают. По земле стелется липкий туман. Чувствую резкую боль — огромный зеленый слизень вгрызается чуть повыше лодыжки. Я со всей дури давлю его второй ногой, и тварь сдувается, как шарик, выпустив красноватый пар.

Над головой пульсирует красно-серое небо — оно само источник света; ни солнца, ни луны я не вижу.

Чувствую, как начинаю проваливаться — земля превратилась в густую грязь, она засасывает меня: сначала по колено, потом по бедра, затем по пояс.

Барахтаюсь, пытаюсь ухватиться хоть за что-то. Не получается. Пальцы цепляются за ветки, но те ломаются, а ладони только черпают мерзкую, кишашую, личинками грязь. Личинки кусаются как таежный гнус и я, забыв о брезгливости,

нешадно их давлю.

Наконец, удается нащупать ногой что-то твердое. Кажется, выбралась. Но стоит хоть чуть вылезти из грязи, из трясины высовываются бесплотные руки и начинают тащить обратно. Они хватают меня за одежду, за ноги и короткие волосы. Тяжелая пятерня надавливает на темя, пытаюсь погрузить в болото с головой.

Набираю в грудь воздуха и замираю, позволяя затащить меня в трясину до подбородка. Когда бесплотные русалки перестают тянуть с такой силой, я резко подаюсь вперед. Руки отпускают меня, не ожидая внезапного сопротивления.

Твердая поверхность ощущается как плот незнамо как взявшийся посреди моря. Встаю на колени, откашливаюсь. Земля шевелится, как растревоженный клубок змей.

Под моими ногами — мертвецы.

Они сложены штабелями, будто стройматериалы. Мужчины, женщины, дети, взрослые. Пропавшие, мертвые, сгинувшие. Плоть содрогается, и мертвецы открывают глаза. Смотрят, но не пытаются схватить.

Кто они? Помнят ли прошлое? Или же беспамятство — посмертный дар, положенный каждому?

Бреду вперед, стараясь не наступать мертвецам на головы.

Наконец, тела заканчиваются, и я оказываюсь на обычной земле. Впрочем, обычной ли? Здесь холодно, мерзко, и мокро, а красное небо пульсирует светом, в котором все кажется серым.

Мертвецы закрывают глаза, а бесплотные русалки прячутся в болотах.

Слышу гул. Сзади нечто древнее и непознаваемое. Я знаю, что если взгляну, то пути назад не будет — то, что осталось от моей смертной психики, окончательно расколется.

ОНО УЖЕ ЗДЕСЬ.

Оно огромно, как мифический титан. Всепоглощающее — как первобытное море. А еще... смотрит на меня, изучает, принимает решение словно всесильное божество.

Местность вокруг заливают свет. Он какой-то неправильный, не настоящий, не греющий; его источник — то, что стоит позади меня.

А ведь Вера тоже умерла, понимаю я. Она ушла, перешла границу, гонимая из дома какой-то только ей известной болью. Что думала отыскать? Спасение, покой? А в итоге нашла только пасть чудовища, которое, как и в далекой древности, требует юных девушек на ужин.

Падаю окончательно обессиленная на спину. Глаза не открываю.

Существо проходит мимо. Все вновь погружается во тьму.

Ты – гниль, ты смерть, ты мразь, ты никому не нужный выbleдок, не заслуживающий даже легкой смерти. Ты будешь гнить тут живьем, пока от тебя не останется одно воспоминание. А потом исчезнет не оно, а тебя не станет, не станет, не станет...

Привычные слова. Я говорю себе их каждый день. Но сей-

час их автор не я, а это существо позади меня.

И это злит.

Мертвые не злятся, думаю я. Злость – это дар живых. Труп не может испытывать сильных чувств и эмоций, на то он, собственно, и труп.

Начинает ныть нога – на месте шрама от арматуры снова кровоточит рана, к которой с мерзким хлюпаньем присосался слизняк.

Может ли мертвый испытывать боль?

— Да еб вашу мать! — кричу я, и мой голос звучит в этом лесу как мат в консерватории.

Я ору, что есть сил — сквернословить меня когда-то научил бывший сожитель мамы Жени, профессор филологии. Сейчас я готова принести ему на могилу цветы и выпить стопку за упокой души, так филигранно я бранюсь.

А потом мне внезапно становится дико смешно.

Смешно над собой, над этим потусторонним лесом. Над слизнями, над штабелями мертвецов, над тем Нечто, что стоит у меня за спиной.

Хозяин леса в ярости — то ли его раздражает мой смех, то ли моя брань.

– Ну?! Что?! Давайте, все на меня! – воплю я.

Из-за стволов начинают выходить мертвецы: утопленники, убитые, сожженные, замученные. Они понимают, что я живая, и это вызывает в них бешенство — такое же, какое испытывает пьяница при виде трезвого родственника или тор-

чок при виде нарколога.

Мертвецы тянутся ко мне. Я отпихиваю самого наглого ногой, второго бью рукой.

— В очередь, сукины дети! — кричу я. — В очередь за талонами на беспредел!

И оттуда вырывается ярость, давно посаженная на цепь. Гнев вскрывает погреб в моем сознании, срывая кочергой ржавый замок.

И эта ярость мне нравится.

Равиль

Руки все еще болят. Осина подтвердила свое звание проклятого дерева. Ну а еще пару раз я задел себя по коже раскаленным лезвием выжигателя.

Я больше не спускался в мастерскую. Давно уже понял: если дело не спорится — нечего и начинать, особенно в таком скользком предприятии, как создание оберегов. Так что большую часть времени провожу в комнате на втором этаже, изредка спускаясь вниз.

Мне тридцать четыре, и чувствую я себя стариком. Собственно, и выгляжу как старик — я рано поседел, и теперь белые, будто выжженные перекисью, волосы топорщатся на голове, словно я какой-то безумный ученый. Хотя, в целом, есть ли разница — учитывая, что у меня даже есть какое-то подобие лаборатории.

Впрочем, там все по наитию. Создание оберегов, охрана невидимой границы — это как блуждать в темноте в поисках потерянных ключей или документов. Ты примерно знаешь, где находишься и как выглядит искомое, но не видишь ровно ни черта.

Порой я думаю — не бросить ли все и не уехать. Впрочем, куда? Да и кто останется сдерживать наступающий лес? Иногда я покидаю избу, но через день-два возвращаюсь. Обычный мир не для меня, я там чужак — невидимый поводок притягивает обратно, чтобы я выполнял бессмысленную работу, на которую не соглашался.

Волонтеры меняются, но продолжают искать. Знаю, что сейчас прочесывают другой участок леса, дальше на запад. Хочется сказать им всем — идите домой, к живым. К детям, супругам, родителям. Идите обратно в города, где шумят концертные залы и течет рекой дорогое барное пиво. Не старайтесь. Не ищите. Не дразните нечистую силу.

Но я просто сижу в избе и чего-то жду.

На второй день выпадает снег. Совсем зимний, густой и пушистый. Сугробы поглощают звук, и местность погружается в тишину.

Таким я увидел это место, когда старик Морозов нашел меня замерзающим в лесу. Бывший хозяин дома, старый резчик рун, спросил, кто я и откуда, а потом предложил остаться и помогать. Я согласился — не помню почему, может, потому что знал: откажусь, и второй раз точно останусь с той

стороны.

А, может, просто хотел себя так наказать.

Разве заслуживал я нормальной жизни? Я, невольно ставший палачом? Да я должен за каждого сгоревшего по году отработать! И получится лет сорок, а то и пятьдесят. Точное количество жертв так и не посчитали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.